

В № 3(35) журнала *Stephanos* за 2019 г. было опубликовано «Письмо в редакцию», подписанное К.М. Фьяннакка, А. Докукиной Бобель, М. Тонджани, – отклик на появившийся в № 3(29) журнала за 2018 г. материал «“Небытие – условность” (Марина и Анастасия Цветаевы в Италии)» (автор – *И.Ю. Дергачева*).
Редакционная коллегия журнала сочла справедливым дать возможность И.Ю. Дергачевой разместить в настоящем номере ответ на опубликованное нами письмо.

Редколлегия журнала Stephanos

И.Ю. Дергачева (Масса, Италия)

По поводу «Письма в редакцию»

I. Yu. Dergacheva (Massei, Italy)

About the “Letter to the Editorial Board”

Уважаемая редакция *Stephanos*!

Я очень внимательно изучила опубликованное в номере журнала *Stephanos* письмо за подписями К.М. Фьяннакка, А. Докукиной Бобель и М. Тонджани, присланное в редакцию из Италии.

Что я могу сказать по этому поводу? Для меня в этом письме есть, безусловно, не очень приятные моменты, но есть и некоторые факты, которых я не знала прежде и которые для меня как человека, с детства увлекающегося цветаевской темой, являются важными и ценными. Напишу сначала о хорошем. «Человечество все же богато лишь порукой добра круговой», – эти строки из стихотворения, любимого Мариной Цветаевой и созданного монахиней Новодевичьего монастыря, вспоминаются мне, когда я читаю о многих людях, которые помогали в весьма непростом, а порой и очень сложном деле пробивания разрешения на установку доски в память Марины и Анастасии Цветаевых в Нерви на здании бывшего Русского пансиона.

«Проблема с высокой ценой за пейзажную экспертизу была преодолена благодаря щедрости и доверию многих людей из близкого окружения: родственников, друзей знакомых, соседей, даже нескольких детей-школьников, которые захотели принять участие в общем деле.

Очень важным явилась также щедрость Паоло Финаморе, архитектора из Нерви, который бесплатно отредактировал необходимые документы».

На этом я цитату из письма прерываю, так как об участии фирмы Дино Феличи в благородном деле увековечивания памяти двух сестер-писательниц и активной роли в этом Марты Тонджани я и сама писала в статье «“Небытие – условность” (Марина и Анастасия Цветаевы в Италии)», опубликованной в мае 2018 г. в журнале *Stephanos* № 3(29).

Меня особенно тронуло упоминание о помощи детей, я раньше как-то не слышала об этом очень приятном для меня факте.

Когда-то, в начале 70-х годов прошлого века, я и сама была еще совершенным ребенком, когда мне довелось впервые прочесть несколько стихотворений Марины Цветаевой и вышедшую в 1971 г. первым изданием (в неполном, сильно сокращенном цензурой виде) книгу «Воспоминаний» Анастасии Цветаевой. Мне очень и очень повезло: в ту пору книжного дефицита в «самой читающей стране мира», как писали об СССР тогдашние газеты, произведения обеих сестер были труднодоступны, их не было практически ни у кого в нашем тогдашнем вполне интеллигентном кругу (его составляли, в основном, друзья моих родителей-инженеров, люди, как я сейчас понимаю, с развитыми не только техническими, но и гуманитарными общекультурными интересами). Меня, девочку лет 10–11, буквально захлестнуло, словно волной, творчество обеих сестер – и это очарование длится по сию пору. «Воспоминания» Анастасии Цветаевой хранятся у меня в доме в нескольких изданиях, а о стихах, прозе, драматургии Марины Цветаевой и говорить не приходится: они сопровождали меня всюду, где я жила. Я знаю наизусть множество стихотворений поэта, побывала во многих местах, где она жила и творила.

Еще ребенком я понимала, что обе сестры умеют писать о детстве неподражимо-волшебным, совершенно по-особому, абсолютно небанально. Для меня было бы большой радостью, если бы и итальянские дети могли в полной мере оценить их творчество. И здесь, конечно, слово за итальянскими переводчиками. Сама я не занималась исследованием переводов сестер-писательниц на итальянский. Однако позволю себе заметить, что меня, человека с филологическим образованием¹, не скрою, очень огорчает прочно укоренившаяся в Италии манера переводов рифмованных стихов прозой, и я, наверное, даже если очень постараюсь, вряд ли смогу к этому привыкнуть... Не то чтобы я считала, что то, что пишется с использованием рифм, это всегда однозначно хорошо, а стихотворения без оных – это и вовсе не стихи. Нет, разумеется, я так не думаю. Но когда я вижу, что стихотворные шедевры Пушкина и Цветаевой, летучие, музыкальные создания их мощного вдохновения, переведены без рифм, то мне, поклоннице великой русской переводческой школы (переводов Михаила Лозинского, Самуила Маршака, Ивана Бунина, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой), становится как-то не по себе. Но я-то всегда могу прочесть и Пушкина, и Цветаеву по-русски, а вот как быть тем, кто, не зная русского языка, знакомится с творчеством этих поэтов по таким вот переводам?

Теперь я хотела бы поговорить о вещах гораздо более земных – о конкретных претензиях ко мне, выраженных в письме трех итальянских филологов (из них Августа Докукина Бобель – русского происхождения). Как я понимаю, одна из основных претензий – это то, что я недостаточно полно, по их мнению, отразила в своей статье их активное участие в деле «легализации» памятной доски в честь Цветаевых, то есть хлопот, связанных с получением разрешения от генуэзских властей на ее водружение на здании Русского пансиона в Нерви. Думаю,

¹ Я окончила в середине 80-х гг. прошлого века русское отделение МГУ имени М.В. Ломоносова, во время обучения специализировалась на поэзии Серебряного века, в том числе два года посвятила исследованию творчества Марины Цветаевой, которая, кстати, не входила тогда в школьные программы, да и в университетских учебниках упоминалась, я бы сказала, вряд ли так, как следовало бы, поскольку в те времена Цветаева – жена белого офицера и эмигрантка – была не в фаворе у тогдашних властей.

что менее всех на меня в претензии Марта Тонджани: рискну предположить, что о ее участии я написала достаточно много. С ней меня связывало действительно продолжительное сотрудничество, длившееся более десяти лет. А первые попытки найти единомышленников, которые могут помочь в увековечивании памяти сестер Цветаевых в Нерви, я предприняла и того раньше: году в 2002-м, когда мои еще совсем маленькие тогда дети успели немного подрасти – и я стала благодаря этому посвободнее.

С Августой же Докукиной Бобель, в отличие от Марты Тонджани, мне сотрудничать никогда не доводилось. Я и увидела-то ее впервые лишь на церемонии открытия памятной доски в Нерви. С ней сотрудничали Катерина Мария Фьяннакка и Марта Тонджани, и, на мой взгляд, именно они являются людьми, которые могут рассказать о ее деятельности в подробностях, а никак не я (что Катерина Мария, кстати, и сумела сделать в письме в *Stephanos*, и поступила, как я считаю, правильно). Что касается самой Катерины Марии Фьяннакка, то у меня с ней до открытия доски была лишь одна-единственная встреча, и разговор наш был непродолжительным, что, в сущности, понятно: все-таки это было первое знакомство. Марта Тонджани пригласила меня в Нерви на выступление учащихся международного языкового лицея Грация Деледда, которое должно было состояться в здании бывшего Русского пансиона, на первом этаже. В этом помещении я прежде побывала лишь единожды (пообедала как-то там в занимавшем это пространство ресторане *Da Lina*, совместив, так сказать, приятное с полезным).

Мне было, безусловно, интересно послушать чтение текстов Марины и Анастасии Цветаевой на русском в исполнении темпераментной итальянской молодежи. До этого, кстати, я и понятия не имела, что в Генуе, оказывается, имеют место такие вот вечера. Подготовила ребят к выступлению преподаватель лицея Стефания Коккетти, присутствовавшая на вечере. О том, что выступление ребят мне понравилось, я, конечно, рассказала Стефании и подарила ей свой сборник стихов. Мне было особенно приятно слушать выступление молодежи в стенах дома, помнящего семью Цветаевых. Катерине Марии Фьяннакка я тоже выразила свое удовольствие, узнав, что именно она перевела читаемые ребятами тексты. Сборник свой ей, правда, подарить не смогла: у меня кончились экземпляры. Марта мне не говорила, кто из генуэзских славистов будет на этом вечере, поэтому так и получилось.

Сейчас, оглядываясь на то время, я сама удивляюсь, как так вышло, что мы с Мартой долго не знали, что в Генуе есть люди, устраивающие цветаевские вечера. Возможно, причиной тому были совсем редкие, недолго длящиеся мои поездки из Тосканы в Лигурию. Да и проходило всё обычно в изрядной спешке.

Теперь о том, что говорила мне и чего не говорила сотрудничавшая, в отличие от меня, с Августой Докукиной Бобель и Катериной Фьяннакка Марта Тонджани. Была ли я в курсе всего, что происходило у них в связи с подготовкой к установке доски.

Разговоры об этом, разумеется, были, и их было немало. Мне казалось, что Марта не оставляет меня без новостей. Но вот «обо всем» мы с ней беседовали вряд ли. Да и существует ли оно – это *всё*? В самом деле, не могла же я сказать что-нибудь вроде: «А ну-ка, Марта, давай, как на духу, как перед Богом, выкладывай мне всё, что у Вас там происходит!» Я вообще не считаю возможным для себя такое давление на собеседницу. По мне, это убило бы всякое доверие ко мне с ее стороны. Приемами же, которые наверняка есть на такие случаи в запасе у профессиональных журналистов-интервьюеров (как разговорить собеседника,

«расколоть» и вытянуть таким образом то, что он, возможно, хотел бы попридержать) я не владею вовсе.

Наверное, поэтому многое для меня долго оставалось тайной: кто дал доску, например (я об этом писала в своей статье), как построена деятельность активистов, добивающихся в администрации Генуи разрешения на ее установку, кто конкретно участвует, кто более активен, кто менее и кому какой участок работы достался. О том, что на доску наносили надпись в наших краях, буквально под боком у меня, я вообще узнала с огромным опозданием. Марта мне об этом вовремя не рассказала. О том, как ее перевозили, и подавно. О том, кто и за что отвечает на этапе завершающем, подготавливая церемонию публичного открытия доски, я не знала практически ничего.

Сознавая неполноту своих знаний, я проявила, на мой взгляд, вполне оправданную осторожность, сообщая об этом журналу. Именно поэтому я вставила в свой текст фразу: «На этой стадии, как мне рассказывала Марта, ей удалось завязать отношения с генуэзскими славистами»... и так далее. Или: «Я не могу взять на себя ответственность рассказать о персональном вкладе каждого в это дело, поскольку просто не знаю всех нюансов».

Что же особо запомнилось мне из бесед с Мартой? А запомнилось, по законам психологии, то, что как-то раскачало меня эмоционально. Главное, что меня волновало, не будет ли какой-то обиды Цветаевым. И сможет ли обычный любитель их творчества, повинувшись тому магниту притяжения, который в нем живет, припасть, так сказать, к цветаевским истокам, найти их в Нерви?

Сестры Цветаевы вдохновляли меня своими произведениями много лет, им я посвящала свои стихи. Мои стихи напечатаны, кстати, в немалом количестве московских и подмосковных изданий: газетах «Вечерняя Москва», «Слово», «Губерния» и других, журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Кольцо А», «Московский вестник», «Мир женщины», «Московский ритм», «Студия антре» и других, в ежегоднике «День поэзии 2000», в *Приложении* к журналу «Поэзия» под названием «Антология одного стихотворения», в сборнике, изданном Домом-музеем Марины Цветаевой в Москве, под названием «Связующая век и миг» (там собраны посвященные Анастасии Ивановне стихи ее сестры Марины и стихи современных поэтов о ней).

Именно последнюю книгу я показала, кстати, Катерине Марии Фьяннакка 8 июня 2017 г., в день открытия доски в Нерви. Это было после всех выступлений и фуршета, когда мы с дочерью уже намеревались покинуть собравшихся, поскольку опасались опоздать на поезд. Тогда и была мною вручена Катерине Марии некая скромная сумма, о которой она упоминает (Марта мне сказала, что сдавала деньги на нужды, связанные с доской, я тоже внесла посильную лепту). Кто же знал, что этот факт попадет потом в печать.

Письмо мое приближается к концу. Катерине Марии Фьяннакка: я вообще-то не журналист и не документальный репортаж писала. Вы не упомянуты у меня в описании открытия доски, хотя на сцене Вы, как и Стефания Коккетти, присутствовали. Упомянула я тех, кто произносил публично речи (Августу Докуину Бобель, Иоанну Спендель и других, выступавших достаточно долго). Записей я не вела, и Вашу речь я не припоминаю. О роли же Вашей во всем остальном Вы рассказали сами – и это правильно, так и должно быть. Кстати, Стефания Коккетти тоже, как и Вы, мною не упомянута, но она, единственная из всех, на меня не

жалуется. Думаю, для нее, как для педагога, визитная карточка – это ее ученики. А о хорошем впечатлении, которое они произвели на меня и на собравшихся, я написала. Именно после их чтения у людей в зале были такие растроганные и просветленные лица.

Если Вы внимательно – не предвзято – прочтете мой текст, напечатанный в журнале, то увидите, что я везде пишу не только о тех усилиях, что были приняты мной и Мартой, но и об усилиях других людей, которые, в совокупности, привели к успешному завершению дела. Возможно, Вам не хватает каких-то подробностей. Ваше письмо в этом отношении дополняет общую картину.

В этом письме названы люди, из которых я многих не знала, но которые старались, чтобы память о сестрах Цветаевых в Нерви была сохранена. Теперь поклонникам творчества Марины и Анастасии Цветаевых из многих стран мира не придется самим с трудом, по крупицам добывать информацию, как это когда-то случилось со мной. Наступила полоса ясности: вот дом, вот памятная доска на нем. Я, кстати, совершенно по-особому смотрю теперь на подобные доски: сколько за каждым таким холодным с виду камнем скрыто трепета людских сердец, какой «надежды маленький оркестрик под управлением любви» (выражение одного из замечательных российских поэтов Булата Окуджавы) таится за любой из них!

Я благодарна редакции журнала *Stephanos* за то, что он предоставил всем нам место на своих страницах, где каждая из полемизирующих сторон смогла высказаться. Благодарю и за то, что журнал проявил живой интерес к глубоко волнующей всех теме, которая, конечно же, близка многим и многим читателям из разных стран.

Как представительница поэтического цеха, закончу свое письмо моими стихами:

В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!

Марина Цветаева

Спасибо, вольная Марина,
Что в странствие с собой взяла
От детских лет – и журавлиной
Тропою в Нерви привела.
В волнах, несущихся на скалы,
В хрустальной пене вихревой
Твой гордый вызов я узнала,
Твой натиск, твой мятежный строй.
Идей безбрежное приволье,
Игралище творящих сил,
Кипучей мысли своеволие –
Тот пыл, что век не охладил.
Здесь в тесных бухт полуовалы
Влит детства твоего простор.
Здесь пинии, как опахала,
Венчают очертанья гор.
И словно в сговоре едином,
От дивных звуков без ума,
Веселым именем Марина
Играют море и дома.

Волошину – тот скальный профиль,
В горах последняя постель
И россыпь камешков, что с моря
Ему приносит Коктебель.

Цветаевой – самозабвенье
В утесы хлещущей волны,
В слоистых гротах вод движенье,
Лигурии живые сны.

С уважением, Ирина Дергачева

Сведения об авторе:

Ирина Юрьевна Дергачева,
независимый исследователь

Irina Yu. Dergacheva,
Independent Researcher
irina.dergacheva888@gmail.com